

МАЛЬВА

Николай Николаевич Миронов родился в 1956 году в Бузулуке Оренбургской области. Служил в рядах Советской Армии, окончил государственный Плодоовощной институт им. И.В. Мичурина, работал ведущим специалистом на городских предприятиях. В настоящее время занимается ландшафтной архитектурой, пишет иконы. Поэт, прозаик, печатался в местных изданиях, альманахе «Гостиный Двор». Автор книги стихов «Красные жернова». Член городского литературного объединения. Живёт в Бузулуке.

Дом, в котором я в то время жил со своими родителями, стоял на самой северной окраине города, за небольшой речкой, а за ним почти тут же начинались поля и ещё никем не тронутые в своей первозданности зеленеющие луга. Помню тихий, тёплый летний вечер. Солнце медленно клонилось к закату. Я шёл рядом с отцом и матерью, взявшими меня с собой на вечернюю прогулку, вдоль этих полей и лугов, с интересом разглядывая всё вокруг. Мне было, может быть, три, может быть, четыре года, и огромный, удивительный мир только-только начинал открываться мне.

В траве вокруг нас стрекотали кузнечики, над цветами кружились и гудели шмели, по обочинам дороги прыгали, чирикавая, воробьи, а в стороне, чуть поодаль от идущей среди разнотравья дороги, то поднимая голову и встряхивая гривами, то снова опуская её к самой земле, паслись несколько лошадей.

Всё вокруг было тихо, мирно и спокойно. И ни эта неспешная прогулка, ни просторные дали вокруг, с течением времени и с годами ставшие вполне обыденными и привычными, наверняка не сохранились бы в детской памяти, если бы на повороте дороги неожиданно не предстал моим глазам необыкновенный цветущий куст.

Я помню даже, как, поражённый его красотой, ускорил шаг, чтобы скорее подойти к нему, а подойдя, просто остолбенел. Это было какое-то не виданное мною никогда ранее до сей поры чудо. Куст был с меня ростом и весь усыпан большими, розовыми, с шелковистым отливом лепестков, цветами. Они то вдруг начинали покачиваться на ветру, то замирали неподвижно, как бы давая разглядеть себя во всей красе, то снова начинали кланяться в разные стороны, переливаясь в лучах заходящего солнца своим необыкновенным розовым гляncем. Я глядел на это цветущее облако не отрываясь, почти не дыша, восхищённый волшебной красотой, не в силах оторвать от неё глаз и тронуться с места, хотя слышал, как меня окликали издали неспешно удаляющиеся по дороге родители.

Какая-то необыкновенная тишина возникла вокруг меня, а всё окружающее вдруг будто бы перестало существовать. Я стоял перед этим кустом, а он спокойно и неподвижно стоял передо мной, возвышаясь среди

растущей рядом с ним травы. Я интуитивно чувствовал, что это одушевлённое, живое существо и даже, может быть, мой ровесник. Его цветы что-то тёплое говорили мне, и я, слушая, понимал их и отвечал им, но это был бессловесный, понятный только нам двоим, не переводимый на человеческую речь разговор. Его атласные цветы смотрели на меня, кивали мне, заглядывали мне прямо в душу и сердце, а я, обо всём забыв, смотрел на них с восторгом и восхищением. Мысль сорвать хоть один цветок даже не промелькнула в моей голове. Она была просто невозможна. Оторвать от этого куста цветок было равносильно тому, чтобы сломать руку своему другу, сделав его калеккой.

— Коля! Сколько можно тебя ждать?! Идём скорее! — донёсся откуда-то до моего слуха настойчивый, громкий голос матери. Необъяснимая, волшебная тишина, окружавшая меня и этот куст, исчезла. Из того таинственного мира, в котором я только что пребывал, я снова вернулся в мир земной, а взволновавший меня куст — в свой прежний покой и дрёму. Я сделал шаг назад, всё ещё не отводя от него глаз и не желая уходить, но, услышав новый настойчивый оклик, ещё раз взглянув на остающийся у поворота дороги, весь в розовом сиянии своих цветов, до глубины души поразивший меня куст, направился к нетерпеливо ожидающим меня неподалёку

родителям. Мне казалось, что я навсегда оставляю только что обретенного, дорогого мне друга.

Позже я узнал его имя. Он назывался мальва. Однажды, много лет спустя, когда моя мать была уже старой, я спросил у неё, помнит ли она эту историю. К моему удивлению, да, помнила. И она дополнила её подробностью, которую я не мог знать. В ту минуту, когда я как зачарованный стоял перед этим кустом мальвы, восхищённый открывшейся мне красотой, и не двигался с места, мой отец раздражённо говорил ей: «Всыпь! Всыпь ему! Чего он там встал? Не дозовёшься! Что за неслух!» Она не ответила ему на это ничего, но про себя подумала: за что?!

Так что моё радужное воспоминание того дня могло оказаться совсем иным...

А ещё, годы спустя, я всё же сумел понять, о чём же тогда говорил со мною и что хотел мне объяснить на своём бессловесном языке тот куст мальвы, и извлечь из всего этого урок: живи так, чтобы радовать глаз и сердце тем, кто встретится с тобой на пути, даже если ты будешь стоять один в поле и только случайный прохожий, и то далеко не каждый, сумеет разглядеть и оценить твою красоту и стать благодарным тебе за то, что ты есть, и за эту встречу. Радуйся жизни, и радуй своей жизнью окружающих тебя, и помни, что жизнь быстротечна, как лето.

В ту последнюю субботу уходящего 2005 года, отстояв вечернюю службу, я вышел из храма Всех Святых и, вздохнув, посмотрел на ночное небо. Мысли об отце и о том, что, видимо, нужно готовиться к худшему, не покидали меня. Месяц назад, в одночасье, отец слёг, и надежды на то, что поднимется, с каждым днём было всё меньше. Оставалось только одно: молиться.

До дома было сорок минут ходьбы по заснеженным и почти безлюдным в этот час улицам Бузулука. Пройдя через площадь перед храмом и выйдя из ворот, я свернул направо, на тропинку, протоптанную в снегу рядом с дорогой, идущей вдоль ограды, за которой чуть поодаль начиналось старое городское кладбище. В сумрачном небе высоко надо мной висела полная луна, кое-где светились в темноте окна домов, стоящих по другую сторону дороги, всё вокруг было тихо и безмолвно. Две или три машины, прогудев, промчались мимо меня, сверкнув фарами и красными габаритными огнями, и снова всё стихло.

Дойдя до конца ограды, я ещё раз свернул направо, в проулок, который примыкал вплотную к кладбищу. Я направлялся туда, где покоился схимонах Максим, к его могиле. Я и раньше просто без повода старался по возможности всегда зайти к нему, или возвращаясь домой из храма по

окончании воскресной службы (а чаще даже и до неё), или в любой другой день недели, когда бывал в монастыре. Но в этот раз я шёл к нему с просьбой о выздоровлении своего болящего отца.

В поздний час там вряд ли кого-либо можно было встретить, а мне и не хотелось молиться при посторонних. Оказаться там мог только Геннадий, живший рядом, в доме, где ранее располагались кельи монахинь Тихвинского женского монастыря, и добровольно взявший на себя труд присматривать и ухаживать за могилой старца, и ежедневно читавший ему акафист, составленный одним из священников Бузулукской епархии. Но фигуру Геннадия, обычно одиноко стоящую среди крестов погоста, в этот раз не было видно. Значит, он тоже был уже у себя дома.

Именно от него я слышал рассказ о том, как однажды, проснувшись среди ночи, ощущая некое беспокойство, он решил выйти из дома и пойти посмотреть, всё ли в порядке на могиле схимонаха. Отворив дверь и пройдя с десятков метров, так что стало видно кладбище, он увидел над тем местом, где была могила старца, яркое зарево. «Ах ты, Господи! Наверно, бомжи там костёр развели!» — с замиранием сердца подумал он и прибавил шагу. Яркое зарево, как от большого костра, возносилось к

небу и освещало округу. Волнуясь за сохранность могильного креста и опасаясь иных разрушений, почти на бегу пытаюсь разглядеть, что же там происходит, он терялся в догадках: яркий свет не был похож на свет, исходящий от пламени костра. Он был каким-то ровным, чистым и спокойным. Голосов людей не было слышно, да и видно никого не было, а оказавшись на месте, Геннадий замер: всё было целым и нетронутым, а необыкновенный свет, который он принял за пламя костра, исходил от маленькой неугасимой лампадки, стоявшей на земле возле креста, в которой он сам, постоянно, уже несколько лет подряд, подерживал огонь.

Измученный, он стоял неподвижно, пока это сияние плавно и постепенно на глазах не уменьшилось и не собралось вновь вокруг лампадки, став обычным, едва заметным огоньком. «Сколько времени я уже тут, возле Максима, провёл, а такое мне только раз было показано! — волнуясь, говорил он мне. — Чтобы маленькая лампадка сияла словно солнце? До неба? И чтобы было видно как днём всё вокруг? Я и представить себе такого не мог! Чудо, Николай, чудо! Такое великое чудо мне Максим явил! Спасибо ему! Показал мне, грешному, свою святость! Вознаградил меня за труды мои... Утешил меня, утешил...»

Я знал ещё и то, что деревянный крест на могиле схимонаха Максима, о котором так беспокоился в ту ночь Геннадий, какое-то время мироточил, пока одна из местных паломниц из благих намерений, втайне, без благословения, желая поновить, не выкрасила крест, замазав краской это мироточение. Позже, когда всё открылось и она поняла, какую ошибку совершила, она очень раскаивалась. «Вожу кистью, а сама думаю: маслом, что ли, каким-то крест намазанный? Никак закрасить не могу! А я всё крашу и крашу, упорствую да усердствую... Господи, прости меня, дуру неразумную!»

Вот к этому кресту, под которым горела та самая лампадка, я и подошёл. Рядом никого не было. Я был один. Какая-то необъяснимая, необыкновенная тишина ощущалась вокруг меня. «Или здесь всегда так?» — подумал я, мельком взглянув на небо и по сторонам. Высоко надо мной на небосводе всё так же сияла луна, тут казавшаяся и ярче, и больше. На фоне ночного неба видны были совершенно неподвижные тёмные кроны стоявших невдалеке застывших деревьев. Может быть, мне это лишь казалось, но тут было даже теплее! Я стоял словно под большим стеклянным куполом, отгороженный его полусферой от внешнего мира. Взглянув ещё раз на небо, понимая, что сейчас не время размышлять об этом, я приблизился к кресту.

Сняв с головы шапку и обращаясь к Максиму как к живому, я рассказал ему, зачем и для чего я здесь, а затем горячо и искренне попросил его помощи в выздоровлении отца, завершив просьбу словами «Впрочем, не как я хочу, а как Господь хочет...», после чего, крестясь, сделал три земных поклона, каждый раз опускаясь в снег на колени. Поставив ещё немного, снова взглянув на небо и, обведя взглядом безмолвные заснеженные могилы с темнеющими над ними крестами и памятниками, надев шапку, я повернулся и направился по тропинке к выходу с кладбища. Надо было возвращаться домой.

Миновав последнюю могилу и выйдя на накатанную колёсами машин гладкую дорогу, сделав по ней несколько шагов, я вдруг пошёл словно по воздуху, как бы не касаясь ногами земли, словно за спиной распахнулись крылья, а мою грудь вдруг стало распирать изнутри от ликующей, необыкновенной радости, внезапно наполнившей меня! Она была так велика, так сверх меры, так избыточна, что я чуть ли не задыхался от неё! Ничего подобного, даже близко похожего на эту охватившую меня радость я не испытывал никогда за все годы своей жизни! Я шёл и не понимал, что со мной происходит. Какая-то необъяснимая, нездешняя, неземная радость пела во мне! Она была так велика, так явно ощутима, что в какое-то мгновение я подумал:

«У меня отец умирает, а я тут радуюсь!» — и в тот же миг вдруг понял: это же Максим меня утешает! Это он даёт мне испытать на себе ещё при жизни неземную, ангельскую радость, которой радуются на небесах!

Я продолжал идти по гладкой накатанной дороге, в изумлении от происходящего, не чуя под собой ног, с поющей радостью в груди, интуитивно, на каком-то подсознании догадываясь, что отец не выживет, и именно потому Максим и утешает меня. Но это было уже не важно. Для меня вдруг во всей полноте открылась истина, и я начал понимать ранее не до конца мной понимаемое, что у Бога все живы. Что всё хорошо. Что надо радоваться тому, что Господь устраивает для нас всё как нельзя лучше.

Я прошёл ещё несколько десятков метров, прежде чем, по мере приближения к перекрёстку, шум ночного города стал всё различимее и слышнее, словно я вышел из-под сводов невидимого купола, накрывавшего меня там, на погосте, и радость, подобно тому огромному пламени, что видел когда-то Геннадий, уменьшилась и стала как огонёк лампадки.

Дома я ничего не стал говорить матери об этом происшествии, а три дня спустя отец умер, не дожив до нового 2006 года четырёх дней.

Время течёт неостановимо. Вот уже нет ни Геннадия, который скончался ещё совсем не старым, прожив всего неделю после неудачной операции на прямой кишке, ни его вспльщивой и часто невыносимой жены Галины, пережившей его на чуть более года, тоже познавшей на себе заботу и попечение схимонаха Максима. Давно и далеко теперь живёт где-то на Брянщине монахиня Феофилакты, которая несколько лет была настоятельницей возрождённого её трудами Тихвинского женского монастыря, рассказывавшая в одном из видеосюжетов местного ТВ историю о мироточивом кресте на могиле схимонаха Максима и о том, как верующие лишились этого чуда.

Сохранилось ли то видео в потоке времени, который уносит с собой всех и почти всё? Вряд ли. Когда-нибудь этот поток подхватит и меня. Но пока я жив, я утверждаю и свидетельствую: схимонах Максим — великий святой земли Бузулукской.